

АРХИВ Д. А. МИЛЮТИНА

П. Зайончковский

Личность Дмитрия Алексеевича Милютин — крупнейшего государственного деятеля, военного министра Александра II, а вместе с тем и одного из наиболее ярких представителей российского либерализма — представляет исключительный интерес для изучения истории России второй половины XIX века. С именем Милютина неразрывно связана коренная реформа всей системы военного управления и организации войск, ставившая своей целью создание современной массовой буржуазной армии.

Было бы неверным сводить правительственную деятельность Милютина лишь к военным вопросам. В первой половине 60-х годов Милютин принимает живое участие в происходивших государственных преобразованиях: после 1866 г. он ведёт ожесточённую борьбу с реакционной кликой Шувалова—Толстого—Тимашева, отстаивая с либеральных позиций буржуазные реформы начала 60-х годов. Во второй половине 70-х годов, особенно в последние два—три года царствования Александра II, Милютин занимает одно из первых мест в правительстве, оказывая большое влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику России.

Всё это делает понятным тот огромный научный интерес, который вызывает архив Д. А. Милютина, хранящийся в отделе рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Милютин прекрасно понимал научную ценность своего архива и в последние годы своей жизни уделял его созданию большое внимание. В 1903 г. Милютин составил подробное завещательное распоряжение, касающееся разбора архива и дальнейшей его судьбы.

Большая часть архива, согласно воле завещателя, была передана Николаевской академии генерального штаба. Когда руководство Академии перешло на сторону белых, эта часть архива попала в Сибирь. При освобождении Владивостока частями Красной Армии в 1922 г., она была захвачена в числе трофеев на острове Русский и передана в рукописное отделение Румянцевского музея (ныне Библиотека имени В. И. Ленина).

Остальные материалы архива были эвакуированы в 1918 г. вместе с библиотекой Николаевской академии в Москву и также переданы Румянцевскому музею. Общее количество пропавших материалов невелико.

Вторая часть архива, содержащая эпистолярное наследство, авторские экземпляры, «Дневник» и «Воспоминания», а также ряд других материалов, была передана дочерью Милютина непосредственно Румянцевскому музею. Из этой части архива не сохранились письма брата Дмитрия Алексеевича—Влади-

мира, — представлявшие большой научный интерес, повидимому, уничтоженные наследниками, а также переписка Милютина с женой — Натальей Михайловной, урождённой Понсэ. Эта переписка была сожжена согласно воле завещателя: Кроме того, по указанию Милютина, были уничтожены черновики его работ, относящиеся к раннему периоду жизни.

Часть материалов по истории Кавказа, собранных Милютиным, была отдана им Д. Х. Бушену, а позднее передана в Военно-учёный архив главного штаба. Такова вкратце история архива после смерти его владельца.

Архив Д. А. Милютина насчитывает около 400 единиц хранения. Все эти материалы можно было бы подразделить на следующие части: «Дневник» и «Воспоминания»; различные материалы, касающиеся служебной деятельности Милютина, посвящённые главным образом военным вопросам, в частности преобразованиям в армии; частная и семейная переписка; разнообразные материалы, классифицировать которые каким-либо определённым образом довольно трудно: сюда относятся материалы, связанные с детством и юностью, детские альбомы, списки различных стихотворений, путевые дневники за период заграничного путешествия в начале 40-х годов, различные записки, касающиеся борьбы с революционным движением, проект переустройства правительственных и административных органов, реформы народного образования и т. д., а также разнообразные хозяйственные документы.

Огромный научный интерес представляют собой «Дневник» и «Воспоминания» Милютина. Свой дневник Милютин начинает вести с 8 апреля 1873 года. Во вступлении к дневнику он следующим образом определяет причины, заставившие его взяться за перо: «Принимаюсь вести свой дневник только теперь, на 57-м году жизни, побуждаемый к тому пережитыми в первые три месяца текущего года непрерывными неприятностями и душевными волнениями. Всё происходившее в этот тяжёлый для меня период постараюсь при первой возможности рассказать подробно в особой записке, совершенно объективно, ничего не скрывая, никого не шадя, на основании сохранившихся у меня заметок и официальных документов. Исполнить эту работу я должен для ограждения собственной своей нравственной ответственности перед судом истории»¹.

Действительно, в 1873 г. Милютину пришлось вынести тяжёлую борьбу, защищая проводимые им преобразования русской армии.

Дневник Милютина состоит из шести па-

¹ Рукописное отделение Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, фонд Д. А. Милютина, 7821. Предисловие к дневнику.

нок, общей сложностью 2151 лист in folio. Дневник представляет собой написанный чернилами авторский экземпляр со многими пометками и вставками (судя по цвету чернил, эти поправки явились результатом более поздней правки). Есть основания полагать, что находящийся в архиве экземпляр не является первоначальным, так как сохранились отрывки более раннего варианта, написанные карандашом. Повидимому, автор первоначально набрасывал свои мысли вчерне, а затем уже заносил их в свой дневник. Рассматриваемый нами авторский экземпляр не является последней редакцией: в 1900 г. Милютин, готовя свой дневник к печати, занимался редактированием его. Одновременно с этим дневник переписывали набело его дочери (12 переплетённых книг общей сложностью в 1561 лист). Последний вариант несколько отличается от авторского экземпляра не только стилистическими поправками, но и пропусками отдельных мест, которые Милютин не считал удобным публиковать в печати. Эти исправления и пропуски по своему содержанию представляют большой интерес. Так, например, в последнем варианте отсутствует любопытная характеристика командования русской армии в период войны 1877—1878 годов. В авторском экземпляре в записи от 14 августа 1877 г. Милютин пишет¹: «Непокойчицкий под видом сдержанного молчания прикрывает свою бездарность и бездельствие, помощник его ген.-майор Левицкий оказывается вовсе нестоющим той репутации, которой пользовался в гвардии и академии генерального штаба, сам же великий князь не в силах своим умом объять такую сложную задачу, каково командование армией на войне»². Отсутствуют также зачёркнутые в авторском экземпляре характеристика интимных сторон жизни Александра II, рассказ о спекулятивной деятельности великих князей и отдельные высказывания Милютина о современном внутреннем положении России.

Особенно много редакционных исправлений и зачёркиваний в «Дневнике» за 1881 год.

Необходимо отметить, что Милютин при редактировании авторского экземпляра так тщательно вычеркивает отдельные места, что они вовсе не поддаются дешифровке.

Дневник, охватывающий собой период с 1873 по 1899 г., несмотря на свой апологетический характер представляет огромнейший научный интерес. Милютин сообщает в своём «Дневнике» чрезвычайно много интереснейших фактов, касающихся всех областей государственной жизни.

В «Дневнике» за 1873—1878 гг. Милютин устанавливается подробно на вопросах внутренней политики и, главным образом, на ходе подготовки закона о воинской повинности, обсуждении его в Государственном совете и особом присутствии о воинской повинности. Здесь же Милютин рассказывает некоторые подробности о приезде в 1873 г. в Петербург Вильгельма I в сопровождении

Бисмарка и Мольтке. Не лишена интереса характеристика всеильной реакционной клики Шувалова и описание закулисной борьбы в правительственных сферах.

В «Дневнике» за 31 декабря 1873 г. имеется следующая запись: «Всё делается под исключительным влиянием гр. Шувалова³, который запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало. Под предлогом охранения личности государя и монархии гр. Шувалов вмешивается во все дела, и по его наущничеству решаются все вопросы. Он окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом уже теперь в Комитете министров большинство членов действует всегда заодно с гр. Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера. Тимашев, гр. Толстой, гр. Пален, Валуев — послушные орудия гр. Шувалова. Эта клика собирается для предварительного соглашения во всяком предпринимаемом деле. В заговорах её участвует Грейг и гр. Бобринский. Министр финансов Рейтерн, хотя и стоит более независимо, избегает однако же столкновений с всеильной шайкой и часто делает ей уступки не совсем честные. Ещё менее осмеливается поперечить Набоков и кн. Урусов: у этих людей нет и капли того мужества, которое называется courage civique... Абаза искусно лавирует, пользуясь своим нейтральным положением. Более всех мог бы держаться самостоятельно кн. Горчаков, по своему положению в свете, перед государем и по значению, приобретённому его именем в Европе, но он вовсе устранился от дел внутренней политики, а подчас его аристократические инстинкты сближают его с рабочими обскурантизма и помещичьего режима. Наконец для полноты счёта надобно добавить гр. Александра Владимировича Адлерберга и адм. Н. К. Краббе. Первый вполне сочувствует аристократической партии и, быть может, готов был был пойти гораздо далее шуваловских идеалов, но он прежде всего человек придворный, причём апатичен и лично не любит Шувалова, а потому не станет в ряды его шайки, хотя часто помогает ей, пользуясь своим исключительным положением в семейном кругу царского дома. Что же касается адм. Краббе, то его едва ли можно и считать в числе министров: принятая им на себя шутовская роль и эротические его разговоры ставят его вне всякого участия в серьёзных делах государственных.

Вот та среда, в которой обречён я действовать. Есть ли возможность одному бороться против целой могущественной шайки? Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет тому назад! Тогда всё стремилось вперёд, теперь всё тянет назад. Тогда государь сочувствовал прогрессу, сам двигал вперёд, теперь он потерял доверие ко всему

¹ Зачёркнутое в квадратные скобки зачёркнуто автором.

² Фонд Д. А. Милютина, 7823, л. 112.

³ Шувалов Пётр Андреевич — шэф жан-дармов.

им же созданному, ко всему окружающему его, даже к себе самому. При таком положении дел возможно ли мне одному устоять на обломках кораблекрушения и не будет ли извинительно, если я решусь сложить с себя оружие. Один в поле не воин»¹.

Не менее интересна запись в «Дневнике», освещающая причины отставки Шувалова, происшедшей летом 1874 года: «...Государь тяготится опекою гр. Шувалова, его нахальством, его интригами. [Сегодня Трепов даже рассказывал... что Шувалова свергнула клевета, возведённая на него некоторыми дамами, которые сговорились с разных сторон уверить государя, что Шувалов открыто говорил о нём как об идиоте, сделавшемся совершенно неспособным к делам государственным...]. По мнению Трепова, государь решил избавиться от слишком уже усилившегося влияния временщика и, как будто сбросив камень с плеч, заметно сделался веселее и спокойнее»².

Балканский кризис середины 70-х годов, русско-турецкая война 1877—1878 гг., а также Берлинский конгресс занимают большое место на страницах «Дневника».

Милютин подробно останавливается на международных отношениях накануне войны, подчёркивая стремления Германии и, в частности, Бисмарка, втравить Россию в войну с Турцией. Описание кампании 1877 г. также вызывает большой интерес. Находясь вместе с Александром II на театре военных действий, Милютин сообщает интересные данные о порядках, существовавших в главной квартире, ходе военных операций, подвергая анализу причины первоначальных неудач.

Так, он сообщает заслуживающие внимания подробности о совещании, происходившем 31 августа, после неудачного штурма Плевны: «Уже близко было к закату солнца, когда кто-то подошёл ко мне и сказал, что государь спрашивает меня. Я встал и подошёл к государю, который вполголоса, с грустным выражением сказал: «Приходится отказаться от Плевны, надо отступать». Поражённый как громом таким неожиданным решением, я горячо восстал против него, указав неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела. «Что же делать, — сказал государь, — надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам». «Но ведь подходят уже подкрепления, — сказал я, — на это главнокомандующий возразил, что пока эти подкрепления не прибыли, он не видит возможности удержаться перед Плевной и с горячностью прибавил: «Если считаете это возможным, то и примите команду, а я прошу меня уволить». Однако же после этой булады, благодаря благодушию государя, начали обсуждать дело спокойнее. «Кто знает, — заметил я, — в каком положении сами турки? Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным более держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими

войсками». Кажется, этот аргумент подействовал более всех других. Решено было, чтобы войска оставались пока на занятых ими позициях, прикрылись укреплениями и не предпринимали новых наступательных действий»³.

Далее Милютин рассказывает, что Александр II после взятия Плевны, напомнив ему о совещании 31 августа, наградил его орденом Георгия 2-й степени. С возмущением описывает Милютин «деятельность» Александра II на театре военных действий, которая сводилась к грубому вмешательству в функции главнокомандующего, что, естественно, отрицательно отражалось на руководстве военными операциями, а также к беспечным ежедневным поездкам «на позицию», откуда после сытного завтрака благополучно возвращались обратно. Милютин очень неодобрительно отзывается о стремлении Александра II во что бы то ни стало принять участие в «бою», выдвигая для этого столь «серьёзный» аргумент, как участие «в боях» Вильгельма I в период франко-прусской войны. По словам Милютина, Александр II стремился во всём следовать примеру своего августейшего дядюшки».

Вообще Милютин, сохраняя почтительный тон и даже благоговей перед Александром II, как верноподанный перед своим государем, даёт ему вместе с тем подчас далеко не лестные характеристики.

Так, например, 14 марта 1874 г. Милютин заносит в свой «Дневник» следующее: «В одной из зал Зимнего дворца государь занимался распределением рекрут по гвардейским полкам. Это уже четвёртая или пятая смена приводимых во дворец рекрут, представляемых его величеству по мере прибытия их в Петербург из разных округов. Я стараюсь по возможности уклониться от присутствия при этой операции: мне тяжело видеть самодержца 80 миллионов подданных, занятого таким ничтожным [пустым] делом»⁴.

Милютин в своём «Дневнике» за 1881 г. передаёт интересный рассказ гр. Адельберга о взаимоотношениях Александра II с кн. Юрьевской, характеризующий его как человека безвольного, находившегося «под башмаком» у этой «некоронованной императрицы».

Большое место уделяет Милютин в своём «Дневнике», особенно за 1878—1880 гг., вопросам внешней политики. Подробно освещаются международные отношения в период Сан-Стефанского мира и Берлинского конгресса.

Небезынтересна характеристика кн. Горчакова: отдавая должное его уму и способностям, Милютин отмечает в нём крупный недостаток, заключавшийся в том, что он любит «позировать... всегда пускает фейерверки». К концу 70-х годов, по словам Милютина, Горчаков представлял собою пол-

³ Там же, 7823, л. 122—123.

¹ Фонд Д. А. Милютина, 7821-1, л. 54—56. Все цитаты из дневника и воспоминаний даются по авторскому экземпляру.

² Там же, 7821-2, л. 49—50.

Газеткамф в своих воспоминаниях («Мой дневник 1877—78») освещает это иначе, приписывая инициативу продолжения осады ген. Левицкому.

⁴ Там же, 7821-2, л. 33.

нейшую развалину, был не только неспособен руководить министерством, но даже сколько-нибудь логически мыслить. Описывая одно из совещаний по вопросу внешней политики накануне Берлинского конгресса, Милютин говорил: «Что касается кн. Горчакова, то совещание нынешнего дня окончательно показало, что он человек отживший. Он говорил мало, — всякий раз, когда пробовал что-нибудь сказать, — выходило как-то невпопад. Он уже не в состоянии схватывать мысли; не может вникнуть в сущность дела; голова его перестала работать. Как же будет он разыгрывать на конгрессе роль первого представителя России?»¹ — задаёт вопрос Милютин. В конце 70-х годов, когда министерство иностранных дел фактически возглавлял Гирс, Милютин играл большую роль в решении внешнеполитических вопросов: он, как правило, присутствовал при докладах Гирса царю, с ним советовались по всем принципиальным вопросам внешней политики, что находит своё отражение как на страницах «Дневника», так и в переписке Гирса с Милютиным.

Большой интерес представляет подробное освещение русско-германских отношений конца 70-х годов. Милютин рассказывает о встрече двух императоров — Александра II и Вильгельма I — в августе 1879 г. на пограничной станции Александрово, о своих беседах с Вильгельмом I и фельдмаршалом Мантейфелем по вопросам европейской политики.

Заслуживает внимания и взгляд Милютин² на внутреннее положение в стране к началу 80-х годов.

В своём «Дневнике» за 1880 г. он даёт следующую характеристику внутреннего положения: «Никогда ещё не было предоставлено столько безграничного произвола администрации и полиции. Но одними этими полицейскими мерами, террором и насилиями, едва ли можно прекратить революционную подпольную работу, принимающую уже такие значительные размеры. Трудно искоренить зло, когда ни в одном слое общества правительство не находит ни сочувствия к себе, ни искренней поддержки»³.

Вообще Милютин был ярким противником полицейско-административных мер, считая, что лучшим методом борьбы с революционным движением является завершение буржуазных реформ, прерванных событиями 1866 года.

Исключительный интерес представляет «Дневник» за 1881 г., освещающий борьбу в правительственных сферах в первые месяцы вступления на престол Александра III. Мы считаем излишним останавливаться на этом вопросе, получившем подробное освещение в весьма содержательной и интересной статье покойного академика Ю. В. Готье «Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 года»⁴, в которой автор широко использовал материалы «Дневника» Милютин.

После своей отставки, в мае 1881 г., Милютин удалился в своё крымское имение Симеиз, где и прожил почти безвыездно до своей смерти. Здесь, в Крыму, перед Милютиным возникает вопрос: стоит ли продолжать вести «Дневник»? «А будет ли историк дорожить показаниями старика, удалившегося от дел государственных в уединённый уголок... Однако ж, поразмыслив ближе, прихожу к тому заключению, что и заметки отшельника бывают бесполезны; а тот, кто был многие годы близким очевидным и отчасти действующим лицом в событиях государственных, не может разом оторваться от своего прошлого и безусловно стереть в своей памяти все следы минувшей деятельности. Вот почему мне кажется, что и в теперешнем моём положении, как бы ни старался я уединиться, не раз представится мне случай заглянуть в свой дневник какую-либо черточку, пригодную для будущего летописца»⁴.

Милютин оказался прав. Поселившись в Симеизе, он внимательно следил за всем происходящим в Петербурге и заносил свои впечатления на страницах дневника.

Частые встречи с великим князем Константином Николаевичем, поселившимся на положении опального невядалеке от Симеиза, в имении Орманды, свидания с Гирсом, Сабуровым, Коки, Чичериным и другими государственными и общественными деятелями, подробная информация о всём происходящем в правительственных сферах, получаемая регулярно от его друга А. В. Головина, — всё это ставит Милютина в курс как внутренней, так и внешней политики и придаёт «Дневнику» большой интерес. Примерно с 1885—1886 гг., когда большинство друзей Милютин⁵ либо умерло либо ушло в отставку, «Дневник» приобретает более личный характер.

Свои «Воспоминания» Милютин начал писать в Симеизе с 1862 года. В течение пяти лет (1882—1887) он описывает период с 1861 по 1873 год. С начала 1887 г. Милютин приступает к работе над «Воспоминаниями» за предшествующий период — с детства по 1861 г., — которые и были им закончены во второй половине 1892 года.

«Воспоминания» представляют большую ценность не только для изучения биографии Д. А. Милютин⁶, но и целого ряда вопросов истории России XIX века. Они составляют 17 папок, общей сложностью 6319 листов формата 4°. Есть основания полагать, что хранящийся в архиве экземпляр не является первоначальным, так как написан набело, почти без поправок. Имеющиеся же поправки и вставки сделаны значительно позднее — в первые годы XX в., когда «Воспоминания» переписывались набело в связи с подготовкой их к печати.

«Воспоминания», переписанные, так же как дневники, дочерьми Милютин⁷, составили 20 переплетённых книг. Одна из книг (VI) утеряна, и таким образом в наличии имеется 19 книг общим количеством 2769 листов.

¹ Фонд Д. А. Милютин⁸, 7824, л. 83.

² Там же, 7826, л. 9.

³ «Исторические записки» Института истории Академии наук. Т. II, стр. 240—299.

⁴ Фонд Д. А. Милютин⁹, 7828—I, л. 1—2.

Авторский экземпляр незначительно отличается от последней редакции, главным образом поправками стилистического характера, либо пропуском некоторых несущественных подробностей.

«Воспоминания» по своему характеру отличаются от «Дневника». Автор, описывая события, рассматривает их сквозь призму десятилетий, что вполне естественно налагало на них определённый отпечаток. Отдельные вопросы вовсе опускаются, некоторые освещаются в чисто фактологическом плане. Так, в «Воспоминаниях» крайне слабо отражаются общественные и политические настроения автора в период 20-х—50-х годов. Ничего не говорится о тех общественных вопросах, которые волновали юношу Милютину во время его пребывания в университетском пансионе. Очень бегло сообщает автор о своих встречах с Грановским, совершенно не касаясь тех бесед, которые они вели между собой. Ничего не рассказывает Милютин о своих встречах с Панаевым, Некрасовым, Чернышевским¹, о дружбе с Чичериным и Кавелиным.

Б. Н. Чичерин в своих воспоминаниях «Москва сороковых годов», а также К. Д. Кавелин в письмах к Милютину² отмечают те пессимистические настроения в отношении перспектив будущего царствования, которыми был полон Милютин в середине 50-х годов. Всё это не нашло никакого отражения на страницах «Воспоминаний».

Первая часть «Воспоминаний» (1816—1861) заслуживает внимания не только изложением биографии автора, представленной здесь довольно подробно, но и освещением ряда других вопросов, в первую очередь Кавказских войн. Милютин подробно рассказывает на страницах «Воспоминаний» о своём первом и втором пребывании на Кавказе в конце 30-х и первой половине 40-х годов, а также о своей деятельности в качестве начальника главного штаба кавказских войск с 1857 по 1861 год. Он сообщает ряд интересных подробностей, касающихся разработки плана военных операций, хода военных действий против Шамили и на Западном Кавказе.

Не лишены интереса страницы, касающиеся Восточной войны, когда Милютин, состоя для особых поручений при военном министре, был привлечён к работе по составлению обзора военных действий, редактированию известий с театра войны (для опубликования их в печати), а также для выполнения ряда особых заданий, связанных с военными действиями.

Так, например, он сообщает содержание собственноручных записок Николая I, относящихся к лету 1853 г., в которых последний «излагал смелые планы экспедиций морских сил для понуждения Порты подчиниться его требованиям. Первоначально предполагался, — говорит Милютин, — десант (13-й и 14-й пехотных дивизий) на берега

Босфора и занятие самого Константинополя»³.

В «Воспоминаниях» подробно освещается состояние армии в предреформенный период и положение дел в военном министерстве. Необходимо отметить, что первые три книги «Воспоминаний» (1816—1843) были изданы в качестве первого тома «Воспоминаний» в 1918 г. в Томске, когда руководство Академии Генерального штаба перешло на сторону белых и находилось на территории колчаковского правительства.

Этот том «Воспоминаний», изданный крайне ограниченным тиражом, представляет собой в буквальном смысле слова библиографическую редкость.

Большой интерес представляет вторая часть «Воспоминаний» (1861—1873), относящаяся к периоду, когда Милютин, заняв пост военного министра, становится одним из активных деятелей преобразований 60-х годов. Значительная часть воспоминаний этого периода посвящена состоянию армии и военного министерства и проводимым в этой области преобразованиям.

Наряду с военными вопросами Милютин в своих «Воспоминаниях» уделяет большое внимание общему политическому курсу правительства, а также реформам в других ведомствах. Не лишена интереса в «Воспоминаниях» за 1862 г. характеристика общего хода происходивших реформ. «К сожалению, — говорит Милютин, — весьма многие из совершившихся у нас преобразований носят на себе именно эту черту — отсутствие общей основной мысли. Проекты составлялись обыкновенно коллективным трудом многих личностей, из которых большинство смотрело на дело с чиновничьей точки зрения; потом проекты проходили через многие инстанции: в каждой из них претерпевали какие-либо видоизменения, не всегда способствовавшие к улучшению, и выходили наконец из Государственного совета уже вовсе лишёнными жизненной силы»⁴.

Много внимания уделял Милютин польскому восстанию 1863 г. и остзейскому вопросу, в котором он занимал непримиримую позицию, решительно выступая против «германизации» Прибалтики и «против отживших феодальных порядков».

Подробно останавливается Милютин на внутренней политике правительства после событий 4 апреля 1866 г., приведших к усилению реакционного курса: «С 4 апреля, — пишет Милютин, — берёт верх партия квази-консерваторов, или, вернее сказать, ретроградов. Представителем её на первом плане является гр. Пётр Шувалов; к нему примыкают все те личности, которые и прежде не сочувствовали либеральным реформам. Партия эта задумала воспользоваться преступным выстрелом Каракозова, чтобы внушить государю недоверие ко всему, что было сделано на славу его царствования, и под видом укрепления расшатанной будто бы самодержавной власти, восстановить господство высшего сословия над массою, по идеалу прибалтийских баронов. К великому

¹ А. Я. Панаева в своих воспоминаниях рассказывает о том, что Милютин был постоянным гостем кружка литераторов, группировавшихся вокруг «Современника», причём часто вёл беседы с Чернышевским о предстоящих реформах.

² «Вестник Европы» № 1 за 1909 год.

³ Фонд Д. А. Милютин, 7812, л. 3—4.

⁴ Фонд Д. А. Милютин, 7815, л. 290.

естью России, наша консервативная или ретроградная партия имела представителями людей более самонадеянных чем даровитых, способных более к разглаговетствованию чем к действию¹.

Подробное отражение на страницах «Воспоминаний» получает и борьба против военной реформы, развернувшаяся в конце 60-х годов и возглавляемая Барятинским, Фадеевым и Черняевым. Наконец, большое место в своих «Воспоминаниях» автор отводит и вопросам внешней политики. Заслуживает внимания, например, рассказ Милютин о посещении им германского генерального штаба в 1872 г., в период происходившей встречи трёх императоров. «Сам фельдмаршал гр. Мольтке принял меня и повёл по всему огромному помещению, в котором широко и прихотливо раскинуты части и отделения его управления. Переходя из одной залы в другую, гр. Мольтке представлял мне офицеров генерального штаба, стоящих во главе каждого специального дела: здесь полковник или подполковник такой-то ведёт работу по военно-исторической части; тут такой-то — по военной статистике таких-то государств; а вот и комнаты, где несколько офицеров заняты исключительно географией и статистикой России. Я нашёл этих офицеров за работой над исправлением карт наших железных дорог. Стоящие по стенам каждой комнаты шкафы наполнены книгами, рукописями и картами, относящимися к соответствующему государству. В одном из специальных отделений — по железным дорогам, — я застал офицеров, работавших над планами расположения железнодорожных станций: тут не пренебрегают никакими мелочами, не пропускают без внимания никаких данных. При одном из моих посещений графа Мольтке... я застал его самого за корректурой какой-то новой карты, над которой старик работал с лупой на высоком столе, устроенном в амбразуре окна²...» Так выглядел штаб германского милитаризма в первые годы существования Второй империи.

*

Переходя к характеристике материалов, связанных со служебной деятельностью Милютин, необходимо подразделить их на несколько основных групп.

Во-первых, разнообразные документы, характеризующие деятельность Милютин на Кавказе. Наиболее полно представлены материалы, относящиеся к первому и второму пребыванию его там (1839—1840, 1843—1845). Наряду со служебной перепиской здесь имеются различные заметки и проекты, касающиеся реорганизации кавказских войск, колонизации Кавказа, материалы фортификационных работ в 1839 г., обширная записка Милютин под заглавием «Мысли о средствах утверждения русского владычества на Кавказе», датированная 1840—1841 гг., «Отрывки из моего журнала», в которых автор рассказывает о своём путешествии из Пятигорска до крепости Внезапной, а также черновой дневник за 1839 год (февраль—декабрь). Представляют интерес также черновые экземпляры рапортов Милютин, касаю-

щихся преобразования линейного казачьего войска (1843), обширного рапорта с грифом «весьма секретно», излагающего точку зрения Милютин на дальнейший ход военных операций (1843), а также обширной записки «Мысли о различных образах действий на Кавказе» (ноябрь 1844 г.), представляющей дальнейшее развитие взглядов Милютин, изложенных в рапорте 1843 года.

Необходимо также отметить материалы, касающиеся экспедиции в Чечню в 1844 году.

Крайне незначительны по объёму и по содержанию бумаги, относящиеся к пребыванию Милютин в должности начальника главного штаба кавказских войск (1836—1861). Они представлены двумя папками разрозненной служебной переписки и рядом отдельных писем полуофициального характера.

Кроме того в архиве сохранились материалы по истории Кавказа, собранные в 1856—1861 гг. и состоящие из различных выписок, касающихся истории кавказских и закавказских народов, главным образом в период домонгольского завоевания.

Большую ценность для изучения истории Восточной войны представляют материалы, характеризующие деятельность Милютин в военном министерстве в период 1853—1856 годов.

Среди материалов архива имеется ряд составленных Милютиным Записок следующего содержания: «Двойная точка зрения на выступление наше из Дунайских княжеств», датированная июлем 1854 г., «Положение австрийских войск по последним сведениям, доставленным гр. Штакельбергом», «Проект зимней экспедиции на случай, если неприятель утвердится на островах Аландских», «Соображения относительно обороны берегов Балтийского моря» и т. д.

Все эти записки представлены либо черновыми экземплярами — автографами Милютин — либо писарскими копиями. Среди этих материалов большой интерес представляет Записка, посвящённая партизанскому движению, в которой Милютин говорит: «В случае вторжения неприятеля в наши пределы, представится нам случай снова прибегнуть к тому решительному средству, которое испробовали мы в Отечественную войну 1812 года: — к действиям партизанским и народной войне. Если бы австрийцы отважились предпринять наступательное движение на Вольну, то операционная их линия пролегла бы вдоль южной окраины Полесья — страны лесистой и болотистой, которая даст нам возможность действовать губительно на фланги, на тыл и сообщения неприятеля»³.

Далее в Записке излагается план организации партизанской борьбы. Эта Записка, датированная 15 августа 1854 г., написана рукою Милютин. Повидимому, она не получила движения, так как представлена в архиве переписанным набело экземпляром.

Кроме того среди материалов, касающихся Восточной войны, имеется ряд автографов — черновых набросков, писем к кн. Меншикову, Горчакову и другим генералам от имени военного министра. Так, например, представляет интерес письмо без указания даты к князю Меншикову и генералу Хомутову о

¹ Фонд Д. А. Милютин, 7818, л. 216.

² Там же, 7820—2, лл. 102—103.

³ Там же, 7939, л. 54.

принятии мер на случай военных действий в Крыму.

Заслуживают внимания протоколы заседаний Особого комитета «О защите берегов Балтийского моря», созданного в ноябре 1854 г. под председательством наследника престола. Милютин был назначен производителем дел этого комитета.

К этой же группе материалов можно отнести обширную Записку Милютина, датированную 1856 г., под названием «Мысли о невыходах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных». Эта Записка, написанная под влиянием неудач в Восточной войне, подвергает критике существующую систему комплектования и организации войск и выдвигает необходимость всемерного сокращения армии в мирное время и создание необходимых резервов для развёртывания её в военное время. Милютин подчёркивает в ней, что крепостное право является непреодолимым препятствием к осуществлению этих мероприятий.

Наибольшую группу документов этой части архива составляют материалы, связанные с деятельностью Милютина как военного министра. Здесь широко представлены различные материалы по военным преобразованиям (заметки, проекты, официальная переписка), касающиеся различных сторон военного управления и реорганизации армии.

Помимо этих обширнейших материалов, непосредственно связанных с военной реформой и наиболее известных исследователям, к этой же группе документов примыкают также и различные заметки и соображения Милютина по вопросу о готовности России к войне, материалы, касающиеся хода военных действий в Средней Азии и Польше в 1863 г., представленные главным образом в официальной переписке. Для характеристики польского восстания 1863 г. большой интерес представляют письма Берга и М. Н. Муравьёва, Валуева, Горчакова, Долгорукова и ряда других лиц.

Кроме служебных материалов по военным вопросам, большое место занимают также служебные документы и официальная переписка по вопросам внутренней и внешней политики. Так, в архиве имеются материалы, касающиеся вопроса о классическом и реальном образовании, состоящие из писем А. Головкина, К. Грота, Н. Исакова и других лиц, а также заметок по этому вопросу Милютина.

В архиве представлены также материалы, характеризующие революционное движение 60-х годов, состоящие из различной официальной переписки, извлечений из показаний «политических преступников» и других документов.

Среди официальной переписки Милютина имеются два письма Н. Г. Чернышевского, написанные им военному министру незадолго до ареста в июне 1862 г. по поводу оскорбления, нанесённого ему одним из офицеров образцового эскадрона.

В первом письме от 13 июня Чернышевский писал: «Ваше превосходительство, одним из подчинённых Вам лиц (офицером образцового эскадрона) нанесено мне оскорбление, за которое порядочные люди прежде

вызывали на дуэль, а теперь просто бьют нахала палкою, как собаку. Но мне неприлично прибегать к самоуправству, потому что я должен служить примером для других и в моей частной жизни я должен наказывать обидчика судом общественного мнения. Самый мягкий и прямой способ к тому — отдать его поступок на суд его товарищей по службе»¹. И далее Чернышевский просит у Милютина содействия в организации товарищеского суда чести. Здесь же находятся черновые экземпляры двух ответных писем Милютина.

Вопросы внешней политики представлены главным образом официальной и полуофициальной перепиской с Горчаковым, Гирсом, Жомини, Сабуровым и некоторыми дипломатическими представителями иностранных государств.

Для характеристики русско-болгарских отношений большой интерес представляют письма к Милютину князя болгарского Александра, военного министра Болгарии Паренсова, а также военного агента Шепелева.

Наконец, к служебным бумагам Милютина необходимо отнести также многочисленные материалы, связанные с его научно-педагогической и литературной деятельностью.

Эпистолярная часть архива представляет значительную научную ценность, причём здесь, помимо большого количества писем к Милютину, сохранилась его обширная переписка с дочерью Ольгой Дмитриевной, а также близким другом А. В. Головинным.

Большой интерес, главным образом для биографии Милютина, представляют письма его брата Николая Алексеевича. Они освещают некоторые подробности жизни Милютина во время его пребывания в университетском пансионе.

Из писем, относящихся к середине 40-х годов, мы узнаём, что Милютин, неудовлетворённый своей службой на Кавказе в должности обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья, предполагал выйти в отставку и посвятить себя деятельности на гражданском поприще.

Не лишены интереса также письма Николая Алексеевича, относящиеся к началу 60-х годов.

В одном из писем из-за границы он даёт следующую оценку внутреннему положению России: «Последние известия из России, особенно при их отрывочности, неясности и неточности не могли не расстроить тот душевный мир, которым без того я наслаждался бы здесь в такой полноте и невозмутимости. Брожение в вас сильное, сильнее, чем следовало ожидать. Но признаюсь, опасности я ещё не вижу нигде, разве в одном только неразумии будущих правитель-

¹ Фонд Д. А. Милютина, 7997. Переписка опубликована в «Записках Отд. Рукописей» Всесоюзной библиотеки имени Ленина. Выпуск VI. М., 1940.

ственных действий. Революционные замашки были бы просто смешны, если бы не обнаруживали в обществе глубокого пренебрежения к моральной силе правительства. Две характеристические черты обрисовывают, как мне кажется, нашу русскую оппозицию, охватившую, повидимому, всё общество: во 1-х, наружу выходят только крайние мнения... во 2-х, либеральные стремления не получили ещё определённых образов, всё это слишком общо, смутно, шатко и исполнено противоречий. Такая оппозиция бессильна в смысле положительном, но она бесспорно может сделаться сильною (?П. З.) отрицательно. Чтобы отвратить это, необходимо создать мнение или, пожалуй, партию серединную (говоря парламентским языком: *le centre*), которой у нас нет, но для которой элементы, очевидно, найдутся. Одно правительство может это сделать, и для него самого это будет лучшим средством упрочения. Примеры Польши, кажется, слишком ясно показали, каково положение правительства, даже располагающего всею материальною силою, когда в стране истребились все следы правительственной партии... России, конечно, в сто раз легче склонить на свою сторону серьёзную часть образованного общества, сделав своевременные уступки, но сделав их ясно, с достоинством, без оскорбительных оговорок и без канцелярских уловок. В чём должны заключаться эти уступки? Вот главный вопрос. По-моему, это широкое развитие выборного начала в местной администрации (кроме исполнительной полиции) и удвоение бюджета народного просвещения... Невероятно, чтобы такие реформы не сгруппировали около правительства лучших людей, которые подняли бы моральную силу его, обессилили бы крайние мнения и дали бы истинное, пошленькое значение нынешней оппозиции»¹.

Обширная переписка Милютина с дочерью Ольгой Дмитриевной носит главным образом личный характер, однако в некоторых из них Милютин касается своего положения в правительстве после 1866 г., а также борьбы с противниками военных реформ.

Для выяснения вопроса о роли Милютина в правительстве Александра II немалый интерес представляют письма к нему Валуева, Лорис-Меликова, Тимашёва, Зелёного и наследника престола.

Наконец, большую ценность для изучения внутренней и внешней политики Александра III, а также взглядов Милютина представляет собою обширная переписка его с А. В. Головинным за период с 1881 по 1886 год. Как говорилось уже выше, Милютин, живя в Симеизе, вёл оживлённую переписку с А. В. Головинным, который обычно «с ока-

зией» пересылал ему письма, рассказывая в них о происходящем в правительственных сферах. Головинн сообщал о деятельности Победоносцева, Игнатьева, Каткова, о работе Кохановской комиссии, о прениях в Государственном совете по вопросу о новом университетском уставе и ряд других интересных сведений.

Неменьший интерес представляют ответные письма Милютина, в которых он излагает свою точку зрения на ряд вопросов внутренней и внешней политики, а также даёт характеристики отдельных политических и общественных деятелей.

Так, в одном из своих писем Милютин высказывает любопытную точку зрения на русско-германские отношения середины 80-х годов: «Касательно внешней нашей политики я получил некоторые весьма любопытные разъяснения от бар. Жомини... Сближению нашему с Германией, или, лучше сказать, прекращению каких-то странннх недоразумений, натянутых отношений и пр., конечно, нельзя не радоваться при настоящих обстоятельствах, лишь бы только не крылось тут какого-нибудь нового коварства со стороны железного канцлера, который надувал дипломатов и более тонких, чем наши честные, добрые представители России. Бисмарк тешитися тем, что вся Европа пляшет по его дудочке, он дирижирует всею прессою и, стало быть, общественным мнением, как опытный капельмейстер оркестром, и своеобразно его планам вся Европа то поднимает общий воинственный крик, то вдруг опустит тон и затянет миролюбивую мелодию. И все эти беспрестанные частые переходы от одного мотива к другому большею частью вызываются не какими-либо серьёзными, реальными причинами, а закулисными комбинациями какого-нибудь честолюбца вроде Бисмарка, иногда же ещё проще, — биржевых спекулянтов. С этой точки зрения смотрю я на последние перипетии наших отношений с Германией и Австро-Венгрией. Тут не было ничего серьёзного, реального, а простые бисмарковские проделки. В сочинённой им партитуре нужно было то попугать нас, то приласкать... Для чего именно это было нужно, трудно теперь сказать; но история со временем это раскроет, так же как она до сих пор раскрывала все прежние его ловкие кунштюки, когда пьеса была уже разыграна, *apres coup*. Желательно, чтобы дипломаты наши были осторожны и чтобы наш добрейший, честнейший посол в Берлине не слишком доверял дружеским обольщениям Варцинского помещика»².

В этих письмах Милютин довольно подробно анализирует причины, вызвавшие ухудшение русско-болгарских отношений и усиление немецкого влияния на Балканах, подвергая уничтожающей критике близорукую политику Александра III.

Подробно останавливается Милютин на характеристике реакционной клики Победоносцева — Каткова, напращдая последнего не совсем лестными эпитетами. Так, в письме от 20 сентября 1882 г. Милютин, разбирая одну из статей «Московских Веду-

¹ Фонд Д. А. Милютина, 7889. Письмо Н. А. Милютина из Рима от 18(30) декабря 1861 года.

Помимо этого в архиве имеются письма вел. кн. Константина и Михаила Николаевичей, вел. кн. Елены Павловны, Адлерберга, Блудова, Кауфмана, Карцева, Муравьёва-Амурского, Барятинского, В. П. Боткина и ряда других лиц.

² Архив Д. А. Милютина, 3135. Письмо от 1 мая 1884 года.

мостей», говорит: «Впрочем, можно ли искать логики и правды у г. Каткова? Это просто мерзавец (*пassez-moi le mot*)¹. (Извините за выражение)».

Небезынтересна характеристика редактора «Руси» — И. С. Аксакова, который «как Янус представляется двумя различными человеками: с одной стороны — редактор и издатель «Руси», фанатик, отчаянный проповедник мракобесия, с другой — приятный собеседник, рассуждающий здраво и в умеренном смысле»².

Заслуживают внимания также письма К. Д. Кавелина к Милютину (1882—1884). Копии этих писем после смерти Кавелина были переданы Милютину в 1887 г. Д. А. Корсакову, который опубликовал их в «Вестнике Европы» (1909 г. Т. I). Эта публикация дана с незначительными пропусками отдельных мест, которые, по цензурным условиям того времени, не могли быть опубликованы. Так, исключены строки, касающиеся Александра III, наследника престола, выпущена характеристика Драгомирова и т. д. Пропуски при публикации были отмечены многоточиями. Повидимому, Милютин, снимая копии, опустил сам некоторые строки, так как отмечается их отсутствие в тексте. Так, из письма от 13 апреля 1884 г. выпущена следующая характеристика Ростопцева: «Вспомните, что Яшка Ростопцев освободил крестьян! Яшка, косяязычный плут и негодяй, политический шулер дурного тона»³. Здесь же выпущена характеристика министра двора гр. Адлерберга, которого Кавелин называет «Валаамовой ослицей».

*

Переходя к характеристике последней группы документов архива, необходимо остановиться в первую очередь на различных материалах, связанных с детством и юностью Милютина. К ним относится детский альбом с различными стихотворениями, посвященными их владельцу. Среди различных стихотворений, написанных похвальным почерком Милютина, имеется список «Вольности» Пушкина, что известным образом характеризует общественные настроения 15-летнего юноши.

Большой интерес представляют списки са-

тирических стихотворений на различные политические темы.

Такова, например, довольно ядовитая сатира на III отделение:

«У Цепного моста видел я потеху.

Чорт, держась за пузо, помирал со смеху.

Батюшки, нет мочи, говорил Лукавый,

В III отделении изучают право.

Право на бесправие. Эдак скоро, братцы,

Мне за богословие надо приниматься»⁴.

Список этой сатиры написан, повидимому, А. В. Головинным, рукою же Милютина оделана пометка «явл. 1872».

Также следует отметить оду, сочиненную по поводу закона 12 июля 1889 г., представляющую собою подражание оде Державина «Бог».

Не лишены интереса и дневники заграничного путешествия 1840—1841 годов. Они дают возможность ознакомиться со взглядами Милютина на европейские порядки и его отношением в тот период к тем или иным сторонам российской действительности.

В заключение необходимо упомянуть о наличии в архиве разнообразных записок, проектов, заметок, принадлежащих перу Милютина и посвященных различным вопросам политического характера.

Эти документы являются важнейшим источником для изучения политических взглядов их автора на протяжении целого полувека (с начала 60-х годов вплоть до самой смерти). Среди них надо отметить записку «О нигилизме и мерах против него необходимых», датированную 1866 годом, «Мысли о необходимых преобразованиях в управлении учебной части и духовенстве» (1879), «Заметки по некоторым спорным вопросам современной жизни» (май 1907 г.), в которой автор излагает свою точку зрения на социализм, аграрное законодательство, а также на ряд других злободневных вопросов политической жизни России.

Все эти материалы достаточно полно вскрывают сущность российского либерализма, не желавшего мириться с крепостничеством, но вместе с тем боявшегося революционного движения, пытавшегося добиться тех или иных реформ путём соглашения с царизмом.

Такова в общих чертах характеристика наследия Милютина, представляющая огромную ценность для нашей советской исторической науки.

⁴ Там же, 8183-2.

¹ Архив Д. А. Милютина, 8134. Письмо от 20 сентября 1882 года.

² Там же, 8135. Письмо от 2 мая 1885 года.

³ Там же, 8113. Письмо Кавелина от 13 апреля 1884 года.